

Кирчанов Максим Валерьевич

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАКЕДОНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЮГОСЛАВИИ (1945-1950 ГГ.)

Автор анализирует проблемы истории македонского национализма в ранней Югославии после завершения второй мировой войны. Особое внимание уделено направлениям институционализации национализма в Македонии. Значительную роль в развитии национализма играл политический и этнический национализм, выражавшийся в культивировании македонской идентичности. Развитие македонского национализма в Югославии было одной из форм унификации политического пространства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 80-85. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

4. **Килимник Е. В.** Художественное убранство Белорусских дворцов, замков и укрепленных храмов XIII-XVII вв. в контексте современного преподавания истории культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 3 (47). С. 46-50.
5. **Логвин Г. Н.** По Україні. Стародавні мистецькі пам'ятки. Київ: Мистецтво, 1968. 296 с.
6. **Мацюк О. Я.** Замки і фортеці Західної України. Львів: Центр Європи, 1997. 160 с.
7. **Миляева Л., Логвин Г.** Українське містечко XIV - першої половини XVI ст. Київ: Мистецтво, 1963. 290 с.
8. **Ткачоу М. А.** Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII-XVIII ст. Минск: Полымя, 1978. 144 с.
9. **Чантурия В. А.** История архитектуры Белоруссии. Минск: Полымя, 1985. 263 с.
10. **Gero L.** Magyar varak. Budapest: M"uszaki k"onyvkiado. 1968. 321s.
11. **Guerguin B.** Zamki Slaskie. Warszawa: Architektura, 1957. 303 s.
12. **Hale J.** Renaissance Fortification. Art or Engineering. London: Norwich, 1977. 169 p.

RECIPROCAL INFLUENCE OF THE STYLISTIC PECULIARITIES OF CASTLE, CHURCH AND CIVIL ARCHITECTURE ELEMENTS IN MEDIEVAL EUROPE REGIONS

Evgenii Vital'evich Kilimnik, Ph. D. in Art

Department of Classical and Social Education

Ural Institute of Social Education (Branch) of Russian State Social University in Ekaterinburg

kilimnik_06@mail.ru

The article reveals the peculiarities of the interpenetration of certain architecture genres elements (castle, cult, civil) and its subsequent transformation in Medieval Europe regions. Special attention is paid to the specific influence of military-chivalry architecture - castles - on other architecture types under the conditions of European atomism and constant military conflicts.

Key words and phrases: cultural-historical; castle; feudalism; chivalry culture; church and civil architecture; peculiarities; the Middle Ages.

УДК 327

Автор анализирует проблемы истории македонского национализма в ранней Югославии после завершения второй мировой войны. Особое внимание уделено направлениям институционализации национализма в Македонии. Значительную роль в развитии национализма играл политический и этнический национализм, выражавшийся в культивировании македонской идентичности. Развитие македонского национализма в Югославии было одной из форм унификации политического пространства.

Ключевые слова и фразы: Македония; македонский национализм; Югославия; интеллектуалы; националистическое воображение.

Максим Валерьевич Кирчанов, к.и.н.

Кафедра международных отношений и регионоведения

Воронежский государственный университет

maksymkyrchchanoff@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАКЕДОНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЮГОСЛАВИИ (1945-1950 ГГ.)[©]

Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) представляла собой не только эксперимент строительства коммунистического общества в многонациональном государстве, но и авторитарный вариант модернизации различных регионов с отличными этническими и политическими традициями [20], что подразумевало наличие местных националистических трендов, с которыми был вынужден мириться и сосуществовать Белград в то время как значительная часть представителей сербского интеллектуального и политического сообщества не собиралась отказываться от идеи построения Великой Сербии. Формой компромисса между великосербскими aspirationами сербских элит и стремление республик сохранить свою собственную идентичность стал процесс постепенной конфедерализации Югославии [36, p. 92-110]. Комментируя соотношение между феноменами национализма и модернизации, Крэйг Калхун подчеркивает, что «современность была одним из наиболее важных проектов, продвигаемых от имени наций». Именно поэтому в политическом тексте Европы возник феномен, определяемый К. Калхуном, как «националистическая модернизация» [37, p. 2]. СФРЮ в значительной степени продолжала ранние модернизационные процессы, отягощенные значительным националистическим опытом в рамках традиционного домодерного общества [14], но в авторитарной (с упором на социалистические концепции) версии их реализации [19].

Создание нового общества требовало от коммунистов, пришедших к власти после второй мировой войны, серьезных изменений в национальной политике, так как межвоенный великосербский национализм оказался уже неприемлем. В качестве образца решения национальных проблем была частично взята советская модель. Если межвоенная Югославия была государством неравноправных наций, то послевоенная выглядела уже несколько иначе. Хотя претензии сербов (представленных не националистами, а сербскими коммунистами) имели место, но они уравнивались амбициями представителей местных партийных национальных элит. Страна стала «...народным государством с федеральной формой правления, содружеством равноправных народов...» [11, с. 257]. В послевоенной Югославии постепенно складывался новый канон межнациональных отношений, в рамках которого все народы были в принципе равны, но особая роль сербов негласно на правительственном уровне существовала.

Национальная проблема в СФРЮ не была окончательно решена. Национализм продолжал играть определенную роль в политической жизни послевоенной Югославии в целом. Его роль в национальных республиках более очевидна. Местные политические элиты, которые на данном этапе пребывали в стадии формирования [38], хотя и стояли на социалистических позициях, декларировали свою верность Белграду, тем не менее, в зависимости от ситуации они оставались именно хорватской, словенской или македонской элитой. Несмотря на то, что сербский национализм ослаб, он продолжал играть роль, и национальные элиты на местах питали определенные опасения в отношении возможной национальной политики проводимой из центра. Поэтому, усилиями местных интеллектуалов на местах культивировались местные национальные идентичности, сложившиеся в более ранний период. Если в отношении Хорватии и Словении значительных затруднений в определении политических симпатий и наклонностей элит не возникает (местные идентичности возникли еще в XIX веке, а к моменту образования СФРЮ были уже сильны), то случай Македонии - особый. В XX столетии, несмотря на политизацию масс, на национальные и политические революции, рост социальных движений, выражение и транслирование националистического нарратива оставалось привилегией носителей «высокой культуры». С другой стороны, «высокая культура» на протяжении XX столетия подверглась значительным изменениям. К середине века она радикально отличалась от высокой культуры предыдущих эпох. «Высокая культура» стала более массовой и серийной. Изменились каналы и способы приобщения к традициям «высокой культуры».

Носителями «высокой культурной» традиции оказались не аристократы, а интеллектуалы. Развитие высшего образования стало гарантией роста интеллектуального сообщества и постоянного воспроизводства численности носителей «высокой культуры». С другой стороны, как и ранее, «высокая культура» не утратила своих связей с националистическим политическим дискурсом. Носители «высокой культуры», интеллектуалы были не только основой гуманитарной интеллигенции, но и выразителями, сторонниками, а иногда и создателями национальной и/или националистической идеи. Ко второй половине XX века изменился и социальный облик восточноевропейского интеллектуала. Эти социальные перемены достигли и Балканского региона, где в политику и культуру пришло новое поколение интеллектуалов, националистов и носителей «высокой культуры», которые до этого были или профессиональными революционерами, или партизанами, которые боролись против своих политических оппонентов вооруженными методами. Для Югославии, воссозданной после завершения второй мировой войны, подобная ситуация была характерна, вероятно, в наибольшей степени. Политическое руководство страны в период войны руководило партизанским движением. Не являлись исключением и национальные республики, которые вошли в состав новой Югославии. СР Македонию возглавили бывшие лидеры местного партизанского движения.

Примечательно то, что македонские националисты, которые со второй половины 1940-х годов не только стали македонскими коммунистами [40], но той силой, которая оказалась в состоянии контролировать и определять политический и культурный текст, всего несколькими годами ранее в глазах правящих политических элит и интеллектуальных сообществ Югославии и Болгарии являлись маргиналами и террористами. Политический опыт македонских националистов был связан с нелегальной политической деятельностью, а их идентичность воспринималась доминирующими сообществами как маргинальная. Тем не менее, к моменту выделения Македонии как республики в Югославии после завершения второй мировой войны, македонский национализм уже обладал определенным политическим опытом, а македонская идентичность, не будучи признанной и институционализированной, имела комплекс особенностей, возникших в результате развития предыдущих поколений македонских националистов [30].

Закрепляя свой новый политический статус македонские националисты, связанные с македонскими и сербскими коммунистами, сосредоточили усилия на унификации политического текста, что обрело форму политических репрессий [1], как против радикальных македонских националистов, выступавших за независимость и отделение от Югославии (среди пострадавших был и Методия Андонов-Ченто - первый председатель АСНОМ [5; 16; 25; 32; 33]), так и против болгарских националистов и коллаборационистов, которые не только не признали Македонию, но и отрицали сам факт существования македонской нации и македонского языка [17]. Процессы против болгарских националистов получили крайне негативную оценку в болгарской историографии и публицистике, представители националистического течения которой склонны рассматривать не только Македонию, но и Югославию в целом как «т.н. искусственное государство» («т.н. изкуствена држава» [9]). Например, Димитр Гоцев настаивает на том, что политические власти в Македонии во второй половине 1940-х годов реализовывали особый «сербоманский» проект, направленный на отделение и отдалении македонцев от болгар. Д. Гоцев полагает, что македонские

власти по указанию Белграда развернули травлю болгарской интеллигенции, попытавшись «отправить на скамью подсудимых болгарскую историю, болгарское национальное самосознание, культуру и язык в Македонии» [7].

В период судебных процессов середины 1940-х годов отчетливо проявились тенденции к обострению болгаро-югославских отношений [18] в связи с созданием в рамках Югославии НР Македонии. Македонские элиты стремились унифицировать македонский политический текст. В процессе этой унификации наиболее опасными конкурентами были болгарские националисты. В частности, в 1944 году были арестованы два лидера проболгарского движения в Македонии - Д. Гюзелев и Д. Чкатров. Им были предъявлены стандартные обвинения, связанные с сотрудничеством с болгарскими политическими и военными властями. Д. Гюзелев и Д. Чкатров свою вину отрицали. Первый, например, на процессе заявил, что действовал в интересах македонцев, под которыми понимал носителей болгарского национального сознания. Д. Гюзелев настаивал, что своей деятельностью стремился способствовать развитию болгарского сознания в Македонии, содействуя ее объединению с Болгарией [7]. Во время суда Д. Гюзелев своей вины не признал, постоянно споря с югославским государственным обвинителем, которому он задал вопрос: «Кто Вы такие, что позволяете себе судить о моей деятельности. Я служил народу, а кому служите Вы?». Другой подсудимый Д. Чкатров в своих высказываниях был еще более резок, заявляя, что боролся за «освобождение Македонии от сербского рабства», обвиняя в македонские власти в том, что они являются сербскими агентами, которые сознательно отрывают македонцев от Болгарии. В результате подобное поведение и столь принципиальная болгарская националистическая позиция дорого обошлась подсудимым, которых приговорили к расстрелу. В целом, к 1946 году новые македонские власти достигли больших успехов в унификации политического пространства, проведя 18 судебных процессов, в ходе которых было осуждено 226 болгарских националистов [Там же].

Во второй половине 1940-х годов, после того, как вчерашние маргиналы и террористы взяли в Македонии власть они приложили немалые усилия к подчинению и унификации культурного и политического текста на началах македонского национализма (в политике) и социалистического реализма [34] - как формы македонского культурного национализма, втиснутого в югославский вариант социалистической идеологии. Ранняя послевоенная Югославия была авторитарным государством и, поэтому, в национальных республиках, которые входили в ее состав, возникли своеобразные местные и национальные варианты авторитаризма. СР Македония не являлась исключением. Авторитаризм местных коммунистов был связан с македонским национализмом. Национализм в СР Македонии был важным фактором культурной и политической жизни республики. Несмотря на то, что правящие элиты декларировали свою верность левой политической идеологии, многие их действия были результатом их принадлежности, прежде всего, к националистическому, а не политически-идеологическому левому дискурсу.

До 1945 года македонцы не имели своей государственности, проживая на территории Югославии, Болгарии и Греции. Поэтому создание Республики Македония в составе СФРЮ было значительным успехом македонского национального движения. Местные лидеры, помня о ранней и острой политической полемике с сербскими, болгарскими и греческими националистами, решили использовать ситуацию для развития македонской национальной идентичности. Действительно, если ранее македонцы рассматривались как этнографическая группа болгар, сербов и даже греков, а их язык как диалект, то с 1945 года ситуация радикально изменилась. Они не только были признаны нацией со своим языком и культурой, они не только обрели свою государственность (пусть, в форме федерации) - они получили возможность свободного развития своей национальной идентичности. Развивая идентичность, македонские интеллектуалы-националисты фактически создавали Македонию, конструируя современную нацию [6; 41]. Важными стимулами для ее развития стали размышления македонских интеллектуалов вокруг возникновения македонской нации, македонского этногенеза. Наиболее важными и национально маркированными были заключения Д. Ташковски, оглашение которых в изданиях 1960-х годов была вряд ли возможна без институционализации македонского национализма во второй половине 1940-х годов [26; 27]. На страницах его исследований научный анализ соседствует с идеями македонского национализма и националистической фразеологией, основанной на идее изначальности македонской нации и ее коренной отличности от соседей - болгар и сербов.

Создание в составе новой Югославии македонской автономии в виде Народной Республики (позднее - Социалистической Республики) Македонии означало начало нового этапа в истории македонского национального движения и развития македонской идентичности. Появление в составе Югославии македонской автономии в виде республики было значительным успехом македонского национализма, который предпринял попытку выстроить относительно гомогенное македонское государство [2]. И хотя македонские националисты не смогли создать независимое македонское государство, автономия была значительным шагом вперед по пути к национальной и государственной независимости. В СР Македонии были созданы условия для динамичного развития основ идентичности - македонского языка и македонской литературы. Лингвистическое воображение и литература были важными каналами, которые использовались македонскими интеллектуалами для культивирования македонской идентичности. Отличительная черта политической динамики Македонии послевоенного периода - особая роль национализма жизни македонского общества. Национализм стал политической нормой, и в рамках Социалистической Республики Македонии местные интеллектуалы взяли курс на построение македонского национального государства, постоянно критикуя то,

что соседние страны (Болгария и Греция) проводят политику «непризнания нашей самобытности и элементарных национальных прав» [31, с. 39]. Видимо, по данной причине в среде македонских интеллектуалов существовал особый специфический комплекс если не неполноценности, то повышенного желания доказать свою самость и утвердить себя в контексте соседних наций, вписав историю Македонии в общие исторические процессы в регионе, доказать, что она и в прошлом не только имела свои особенности, но и контактировала с соседними территориями.

Важная роль в развитии македонской национальной идентичности в СФРЮ принадлежала гуманитарным исследованиям [12], в особенности исторической науке и филологии. Именно интеллектуалы и филологи конструировали своими исследованиями и текстами не только культурный и интеллектуальный, но и политический текст, предлагая определенные модели социализации представителям новых поколений, которые позднее не только воспроизводили националистический текст, но и принимали политические решения. Если раннее македонские националисты были маргинальны и радикальны, а македонские интеллектуалы оценивались как националистические публицисты, то после 1945 года македонский политический дискурс развивался в относительно равных условиях с сербской, хорватской и словенской политическими традициями. Македонские националистически ориентированные интеллектуалы, если не стали властителями дум в социалистическом обществе, то пользовались авторитетом как борцы за национальную самобытность македонцев, и их роль в развитии македонского национального самосознания и идентичности сомнений не вызывает. Македонская политическая традиция прилагала немалые усилия для культивирования македонской исторической памяти, создавая особый комплекс национально ориентированных исторических нарративов, призванных доказать и показать, что македонцы являются самостоятельной нацией, которая имеет не только свой язык, но, что более важно, свою историю. Наличие собственной истории, исторического прошлого были важными инструментами в деле легитимации существования особого македонского политического текста. Поэтому, поиски себя, поиски «своего голоса» [35, с. 89] стали рассматриваться не как македонский сепаратизм, а как вклад Македонии в развитие новой Югославии. Поэтому в Македонии, как и других республиках возникли научные и культурные учреждения. В 1947 году был создан Союз писателей Македонии [8, с. 320]. В Македонии были созданы Институт национальной истории (Институт за национална историја), Институт македонского языка (Институт за македонски јазик), Македонская Академия наук и искусств (Македонска академија на науките и уметностите), Архив Македонии (Архив на Македонија), Институт социологических и политико-правовых исследований (Институт за социолошки и политичкоправни истражувања).

Для культивирования македонской национальной идентичности были очень важны т.н. «места памяти» или «памятные места» - регионы, которые служили постоянным источником для стимулирования в развитии национальной идеи. По словам П. Нора, места памяти - объекты, которые способствуют сохранению национального и исторического тождества [39]. Главным «памятным местом» для македонских интеллектуалов была, скорее всего, сама Македония. В македонском националистическом тексте, начиная с середины 1940-х годов, господствовал нарратив о том, что территория СМ Македонии включает в себя лишь незначительную часть исконно македонских территорий. Македонские интеллектуалы считали, что в состав Македонии входит только 37,51% ее исторических территорий, в то время как другие македонские земли находятся в Греции и Болгарии [10, с. 5]. Македония была самым значимым «местом памяти», а представления македонских интеллектуалов о Македонии были скорее воспоминанием о ее великом прошлом. Именно поэтому, тема «Македонии» присутствует у большинства македонских поэтов. Анте Поповски, например, написал поэму «Македония» [22, с. 164], где им отмечалось, что и «свездите да шептат на македонски» («и звезды нашептывают по-македонски») [21, с. 240]. Послевоенная македонская литература пережила своеобразную трансформацию, «путь в Македонию», так как до этого македонские интеллектуалы писали не в македонском государстве, а независимая или автономная Македония оставалась для них идеалом. Поэтому «Путь в Македонию» Петре Бакевски - признак последовательной национализации македонской культурной жизни, свидетельство значительной роли национализма [3, с. 142].

Скопье, столица Македонии ставшая таковой после создания Македонии в рамках Югославии, достаточно быстро трансформировалась из болгарского города, постепенно утратив болгарский колорит, став македонским городом и главным местом памяти в Социалистической Республике Македонии для македонских националистов. Конечно, македонские интеллектуалы были не против видеть в качестве столицы Салун (Салунь), но, так как в условиях второй половины 1940-х годов это было невозможно, они были вынуждены строить свои национальные концепции именно вокруг Скопье. В фундаментальных источниковых изданиях по истории Македонии документы подобраны таким образом, чтобы Салун упоминалась почти повсеместно именно в македонском национальном контексте. Если речь заходит о болгарях или греках, то оценки негативны или нейтральны. В то же время Салун исторически позиционировалась как македонская территория. Скопье рассматривалось македонскими интеллектуалами (например, Блаже Конески) как символ Македонии, как некая данность, обеспечивающая континуитет македонской истории и связь между различными поколениями македонского народа [13, с. 75]. Скопье рассматривалось как сердце Македонии, как город, становящийся именно македонским городом, а сама страна перестает быть европейской периферией [28, с. 156-161].

В рамках македонской национальной идентичности во второй половине 1940-х годов формировалась мифология националистического ребела, бунта и восстания, вооруженного протеста, вызванного как

национальными, так и социальными лозунгами. Формирования идеологии македонского национального ребела было невозможно без создания пантеона героев-жертв, которые пали в борьбе против сербского и болгарского национализма. Во второй половине 1940-х годов, в условиях активной формовки нового националистического дискурса и формовки интеллектуалов, его носителей, наилучшим кандидатом на национальную канонизацию оказался Коста (Кочо) Рацин [4] - македонский националист и поэт, погибший в 1943 году. Македонских националистов, которые во второй половине 1940-х годов политически канонизировали К. Рацина не смущало и то, что значительную часть своих произведений тот написал на болгарском и сербском языке [23]. В 1946 году было инициировано издание сборника произведений К. Рацина, составители которого позиционировали Косту как македонского поэта и борца именно за македонский народ. Одним из инициаторов издания 1946 года, Димитаром Митревем, декларировалось, что в центре деятельности К. Рацина была «народная борьба за национальную и политическую свободу» [24, с. 5-7].

Сами тексты, подобранные для публикации 1946 года, были призваны сформировать идеи политической лояльности и новой македонской идентичности. Значительное внимание акцентировалось на социальном контенте новой идентичности и на социальной, классовой несправедливости прошлого: «Человеком родился - скотиной станет, человеком родился - умрет как скотина» [Там же, с. 17]. Социальный контент борьбы, которую ведет «черный народ» [Там же, с. 41], в национализме К. Рацина играл значительную роль: «Крестьяне живут подобно скоту... от колыбели до гроба» [Там же, с. 31]. С другой стороны, тексты были призваны акцентировать внимание на особом характере македонской идентичности, как идентичности крестьянина, работника, вечно угнетаемого соседями. Поэтому, для восприятия наследия К. Рацина во второй половине 1940-х годов было характерно не только акцентирование внимания на неравноправном положении македонцев в период между двумя мировыми войнами в Болгарии и Югославии («...Белград е ламња, во Белград ја роб...» [Там же, с. 22-23]), но и внимание к моментам традиционности, патриархальности, идеализации македонского села и крестьянского труда: «...покрај ниви, покрај лаки, покрај снискине брегови, вода тече - вода влече селски солзи, селски мака селски таги и јадови. Извор вода извираше, плодно поле наливаше - плодно поле род народи...» [Там же, с. 19]. Идеи, которые закладывал Коста Рацин, оказались востребованными в дальнейшем функционировании македонского националистического текста. Македонские националисты в некоторой степени их трансформировали, но в целом следовали за традицией Рацина, базировавшейся на восприятии македонского национализма как комплексного протеста, имеющего этнический, политический и социальный контент.

Помимо формирования национального пантеона, в который усилиями македонских националистов, был интегрирован Кочо Рацин, в рамках македонского националистического дискурса во второй половине 1940-х годов предпринимались попытки сформировать так же и особый текст политической культуры и лояльности, интегрировав в него элементы македонской народной традиции, которые гарантировали бы его национальный этнический характер. В этой ситуации македонские националисты предприняли попытку сформировать новый дискурс восприятия македонской народной культуры, интегрировав ее в «высокую» политическую культуру национализма. Уникальность македонской ситуации состояла в том, что в рамках выстраивания политического националистического текста в новых условиях югославской автономии формировались, политически институционализируясь, и македонский язык, и македонская литература. Одним из инициаторов подобной стратегии националистического и политического воображения был Блаже Конески, который в 1947 году выступил в качестве редактора сборника македонских народных песен. В своем, идеологически выдержанном в соответствии с требованиями и нормами политического канона, предисловии В. Малески-Тале настаивал, что «борба за народна Слобода» [15] нашла свое отражение в народной культуре, которая воспринималась им как сфера политического и национального протеста. В. Малески-Тале констатировал, что народная песня всегда имела национальный (этнический) и политический (социальный, антибуржуазный) контент. Именно поэтому, тексты, включенные в издание 1947 года, были призваны способствовать формированию новой идентичности, политической и социальной лояльности.

На раннем этапе существования «второй» Югославии македонский национализм развивался ускоренными темпами, стремясь компенсировать просчеты и опущения, допущенные ранее. В подобной ситуации усилиями македонских националистов конструировалась новая идентичность, основанная на примате существования отдельной и самостоятельной македонской нации. С другой стороны, македонский национализм, подобно другим национализмам, анализируемому в настоящем исследовании, был вынужден развиваться в условиях существования авторитарного режима, что оказывало существенное влияние, способствуя постепенной миграции национального из сферы политики в область культуры и гуманитарных исследований.

Список литературы

1. **Андов Ст.** Марксизам, комунизам, антикомунизам // Време. 2006. Април 8.
2. **Ачкоска В.** Некои демографски движења и етнички промени во Република Македонија по втората светска војна // Македонците и словенците во Југославија / упоред. Н. Велјановски, Б. Давитковски. Скопје - Лjubljana, 1999. С. 113-127.
3. **Бакевски П.** Путь в Македонию // Навстречу солнцу: македонская поэзия в русских переводах. М., 1997. С. 142.
4. **Беляева Ю. Д.** Кочо Рацин и рождение македонской пролетарской литературы // Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970. С. 369-384.
5. **Бунтески Р.** Методија Андонов-Ченто: македонски народен трибун. Скопје, 2002.

6. Вачева А. Дискурси на модерността: опит за постмодерно разбиране // Култура и критика. София, 2003. Т. 3. Краят на модерността / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. С. 457-479.
7. Гоцев Д. Първите политически процеси [Електронен ресурс]. URL: <http://www.kroraina.com/knigi/44/procesi.html>
8. Ильина Г. Я. Литература Югославии // История литературы Восточной Европы после второй мировой войны. 1945-1960. М., 1995. Т. 1.
9. Исаков А. От друга страна на медала: геноцидът над македонските българи в Титова Югославия [Електронен ресурс]. URL: <http://www.promacedonia.org/ai/>
10. История македонского народа / ред. М. Апостолски. Скопье, 1975.
11. История Югославии. М., 1963. Т. 2.
12. Кирчанов М. В. Македонска исторична памет в СФРЮ: македонски интелектуали и национална идентичност [Електронен ресурс]. URL: http://ejournals.pp.net.ua/_ld/0/94_4ny.pdf
13. Конески Б. Скопје // Корни и звезди: современная македонская поэзия. М., 1989. С. 75.
14. Лилова Д. Балканите като родина?: версии за териториалната идентичност // Култура и критика. София, 2003. Т. 3. Краят на модерността / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. С. 27-62.
15. Малески-Тале В. Предговор // Од борбата: народни песни / събрал и ред. Б. Конески. Скопје, 1947. С. 5-13.
16. Митевска Ж. Не му се судеше на ченто, су се судеше на АСНОМ // Македонско Сонце. 2005. № 565-566. С. 22-24.
17. Мичев Д. Документи за денационализаторската дейност на скопските учители в Пиринска Македония, 1947-1948 // Македонски преглед. 1991. № 2.
18. Мичев Д. Усилията на Югославската комунистическа партия да овладее македонските бежански организации в България (9 септември 1944 г. - юни 1946 г.) // Там же. № 1.
19. Мишкова Д. Предимствата на изостаналия - началото на балканската модернизация // Социологически проблеми. 1995. № 2. С. 36-53.
20. Новикаў Я. Ёсін Броз Ціта, альбо Праўдзівая гісторыя росквіту і падзення панславизму ў Югаславіі // Arche. 2000. № 1.
21. Поповски А. Македонија // Антологија на современата македонска поезија (Antologija suvremene makedonske poezije) / eds. P. Kereski, Br. Glumac. Zagreb, 1979. S. 240.
22. Поповски А. Македония // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. М., 1989. С. 164-167.
23. Рацин К. Да бидеш човек [Електронен ресурс] / пер. од српски Г. Тодоровски. URL: http://marxists.org/makedonski/tematska/poezija/da_bides_covek.htm
24. Рацин К. Песни. Скопје, 1946.
25. Танаскова Ф. Методија Андонов Ченто. Скопје, 1990.
26. Ташковски Д. Етногенезата на македонскиот народ. Скопје, 1974.
27. Ташковски Д. Роѓањето на македонската нација. Скопје, 1966.
28. Тодоровски Г. Фуснота без повод // Антологија на современата македонска поезија (Antologija suvremene makedonske poezije) / eds. P. Kereski, Br. Glumac. Zagreb, 1979. S. 156-161.
29. Тодоровски З. Хуманоста на македонскиот комунизам [Електронен ресурс]. URL: <http://217.16.70.245/?pBroj=1995&stID=61450&pR=7>
30. Црвкенковска-Ристеска И. Антрополошки поглед на создавање на македонскиот национален идентитет во периодот на преродбата // ЕтноАнтропоЗум. 2005. № 5. С. 72-113.
31. Чашуле К. Рамноправноста на јазиците // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата. Скопје. 1985. С. 39.
32. Ченто и македонската државност. Скопје, 2004.
33. Ченто: човек, револуционер, државник: зборник. София, 1993.
34. Шешкен А. Г. Македонската литература по ослободувањето // Шешкен А. Г. Студии за македонска литература. Скопје, 2005. С. 51-72.
35. Шопов А. Ишу свой голос // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. М., 1989.
36. Basta K. Non-ethnic Origins of Ethnofederal Institutions: the Case of Yugoslavia // Nationalism and Ethnic Politics. 2010. Vol. 16. № 1. P. 92-110.
37. Calhoun C. Nationalism and Contradictions of Modernity // BJS. 1997-1998. Vol. 42. The Politics of Identity. P. 2.
38. Fisichella D. Gruppi di interesse e gruppi di pressione nella democrazia moderna. Uno schema di interpretazione // Rivista italiana di studi politiche. 1980. Vol. X. No. 1. P. 53-72.
39. Nora P. Realms of Memory: Rethinking of the French Past. NY., 1996.
40. Sygkelos Y. The National Discourse of the Bulgarian Communist Party on National Anniversaries and Commemorations (1944-1948) // Nationalities Papers. 2009. Vol. 37. № 4. P. 425 - 442.
41. The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

THE PROBLEMS OF NATIONALISM DEVELOPMENT IN CATALONIA IN THE 1930S

Maksim Valer'evich Kirchanov, Ph. D. in History

*Department of Foreign Affairs and Region Studies
Voronezh State University
maksymkirchanoff@gmail.com*

The author analyzes the problems of the political activation of Catalan nationalism during the second quarter of the XXth century. The main areas of nationalists' activity are shown. Special attention is given to the peculiarities of Catalan nationalist movement during the period of Spanish Republic existence.

Key words and phrases: Catalonia; Catalan nationalism; Spanish revolution; Generalitat.